

АИДА ЯНГ

О, МОЙ
ДОК...

18+

Аида Янг
О, мой док...

«Автор»

2022

Аида Янг

О, мой док... / Аида Янг — «Автор», 2022

- Ну все, Сладких! Ты меня достал! - прошипела в ярости, резко хватая с металлического лотка ножницы. Да простит меня пациентка, которая пялилась на нас двоих, но я должна это сделать. Сегодняшняя выходка это просто финиш. Сил больше нет... - Мне больше нравилось когда ты называла меня Сладенький... - сглотнув, попятился он назад, прикрывая белой тканью свою обнаженную пятую точку. - Лика, ты же шутишь? - Стой где стоишь, - вскочив с места, попыталась его догнать, прежде чем этот гад скроется за дверью. - Сейчас мы, наконец, решим все твои проблемы... Ну куда же ты, сладенький?***Все пошло не по плану! И как я только умудрилась? Вместо того, чтобы перевоспитать друга-ловеласа, сама вляпалась в гов..., то есть попала в его сладкие сети. И что теперь будет? О, мой док...

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	15
Глава 6.	17
Глава 7.	19
Глава 8.	22
Глава 9.	24
Глава 10.	27
Глава 11.	30
Глава 12.	33
Глава 13.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аида Янг

О, мой док...

Глава 1.

– Ну, тут я у вас не вижу патологий, – уверенно объявила я мнительной пациентке, которая до меня уже побывала ни у одного первоклассного специалиста, чтобы отыскать проблему в собственном организме и истинную причину неспособности к зачатию бесконечно желанного ребенка. – Можете одеваться.

Убрав датчик УЗИ на место, скользнула по ней взглядом и едва удержалась от тяжёлого вздоха.

Да у неё здоровье, хоть сейчас в космос! Не то, что у той безнадежной, которая сейчас ожидала за дверью своей очереди. Вот там реально дело – дрянь!

А тут банальный и классический случай: «Погоня за деньгами».

– Не дурите голову! Ну, или на худой конец смените партнера... раз так уже не вмоготу, – так и подмывало высказать светловолосой холеной девице, но мы ведь не в рядовой богадельне находились, а в крупной клинике города, где подобное было неприемлемо.

Сколько я таких, как она, повидала? Не счесть.

Ухватятся за богатого толстосума и бегом от него рожать, чтобы занять определённый статус и средства. Только вот у мужчин в солидном возрасте с букетом хронических заболеваний даже с ЭКО не всегда прокатывает. Ладно, будем смотреть...

Вдох-выдох!

Эх, вот не зря Савельев, наш главврач, всем навязывал тренинги с нашим психологом.

Не зря! Помогает ведь...

Протянув девушке бумажную салфетку, поднялась и пошла к своему столу, чтобы ещё раз просмотреть результаты её анализов.

– Как давно ваш партнёр проходил обследование? – спросила её, в очередной раз вникая в показатели, расписанные на небольшом клочке бумаги.

Анализы в норме, Вениамину Викторовичу из «Гинеи» я доверяла, как самой себе. При визуальном осмотре у неё было тоже все прекрасно. По УЗИ придраться даже не к чему. Вот зуб давала, что банально дело было не в ней.

– Партнёр? – удивленно переспросила она меня, как рыбка, хлопая своими тюнингованными губищами. – А зачем?

Вот те раз... Приплыли... такое чувство, что её косметолог не только с губами поработал, но и с мозгами.

Только открыла рот, чтобы как можно сдержаннее убедить девицу в необходимости обследования её «супруга», как дверь в кабинете скрипнула, и в узком проеме нарисовалась обнажённая мужская пятая точка.

О, май гад! Только не это... Да какого...?

Все слова, вертящиеся до этого на моём языке, тут же испарились и на смену им пришли самые нецензурные и крайне непристойные, как и то, что я увидела.

– Ты совсем охренел? – до скрипа стиснув в своих пальцах шариковую ручку, прошипела я.

Но тот, кто возник, даже глазом не моргнул, а лишь усмехнулся, будто такое эффектное появление было в порядке вещей.

– Моё почтение, – скалясь, без всякого стеснения произнёс доктор Сладких, а по совместительству мой горе-друг, которого страсть как хотелось сейчас придушить. Воскресить и снова придушить. Три раза!

Пройдя внутрь, эта нахальная и беспардонная сволочь захлопнула за собой дверь. И, в чём был, а был этот мужчина без ничего, продефилировал к шкафу, в котором хранились белые стерильные простыни.

– Знал бы, что тут находятся столь прекрасные создания, облачился во что-нибудь приличное. Тысяча извинений, дамы, – растягивая слова в своей привычной манере, пропел он, играя на спине прокаченными и притягивающими женские взгляды мышцами.

Вот же кретин безмозглый! Слов нет. С этим бесстыжим я повидала всякое, но такое, как сегодня, – это был полный абзац!

– Выйди вон! – рявкнула, стараясь не смотреть на его мужские причиндалы, которые он не особо спешил прикрыть белой материей. Комплексов – ноль.

Как говорится: маленький не видно, большой – не стыдно. Последнее было как раз-таки о нём, но на кой чёрт мне эта информация?

– Простите, пожалуйста, – обратилась к девушке, которая уже не с удивлением, а с явным удовольствием откровенно пялилась на обаятельного и привлекательного светилу-хирурга нашего акушерского отделения.

– Да я бы с радостью, но ты же видишь, что я немного не в форме, – не капли не смущаясь, произнёс он, пожимая плечами. – Произошёл небольшой казус и...

Резко вскинула ладонь, заставляя его умолкнуть и оставить нас с пациенткой без чумовых и постыдных подробностей. Я и без того уже догадалась, что он снова был с Эллочкой из перинатального, у которой муж работал у нас же в гинекологии. Ну а то, что случилось дальше и так ведь понятно. Застукал их Федорович, как пить дать! Теперь скандала не избежать, а со Сладких, как с гуся вода... ну что за идиот такой? Всё имел: золотые руки, светлую голову, неземную красоту, обаяние, но... вот беда, был падок на женские прелести, от чего без конца попадал в курьёзные истории. И ладно бы сам страдал, так он и меня в них втягивал. Зараза...

– Сгоняй за моими штанами, с меня мороженка, – сказал мне, а подмигнул девушке, которая уже явно забыла, с какой целью сюда пришла.

Уж больно привлекательный был доктор! И я её понимала. От такого трудно было глаз отвести. Не одно женское сердце уже пострадало. Благо, на меня его чары не действовали, потому что знала этого Казанову как облупленного.

– Офонарел? – начинала закипать я. – У меня приём!

Стыдобища... И как теперь продолжать работу? В пору сквозь землю провалиться. Ладно у него репутация сердцееда и плейбоя – не привыкать, но моя-то пока была чиста и непорочна.

– Так я пока вместо тебя продолжу осмотр, – сказал таким тоном, будто собирался девушку не осматривать, а заниматься с ней чем-то неприличным и аморальным.

Чёрт! Так он и собирался...

Как кот, заметивший миску со сметаной, а в нашем случае третий размер груди у пациентки Кругловой, подбирался всё ближе и ближе.

Вот гад! Даже железному терпению, как у меня, приходит конец.

Сейчас я ему устрою! Зараза...

Мои глаза сами по себе стали искать колюще-режущие... в то время как зубы заскрежекали от предвкушения трэша в собственном исполнении.

– Ну, всё, Сладких! Ты меня достал! – прошипела в ярости, резко хватая со стола хирургические ножницы и кусачики для биопсии.

Да простит меня пациентка, которая пялилась на нас, но я должна это сделать. Сил больше нет... Баста!

– Мне больше нравилось, когда ты называла меня Сладенький... – смекнув, что дело пахнет нашатырём, сглотнул и попятился назад, прикрывая свою обнажённую пятую точку белой тканью. – Ли́ка, ты ведь шутишь? Брось...

– Стой, где стоишь, Сладких! – вскочив с места, попыталась его догнать, прежде чем этот гад скроется за дверью. – Сейчас мы раз и навсегда решим твои проблемы... Ну, куда же ты, сладенький?

Глава 2.

Волосатые мужские ноги... Я видела только их, пока неслась за этим кретином по всему отделению. Хорошо, хоть в это время зрителей было не так много.

И как я до этого докатилась?

– Мединская, у тебя ПМС? – прошипел он, резко останавливаясь у лестницы и посматривая на дверь, ведущую в хозяйственное помещение. – Не подходи...

– Допрыгался! Сюда иди! И причиндалы свои не прячь. Больше не будет никаких проблем. Вжик-вжик и больше не мужик... Ещё мне спасибо скажешь, – ворчала нарочито грозно, но при этом чувствовала, как запал понемногу начинал угасать.

Вот так всегда! Не могла на него долго злиться. И этот гад всегда этим нагло пользовался.

– Лика Евгеньевна, да вы кровожадны, как я посмотрю... – засмеялся он, подходя ко мне ближе. – Брось это... – кивнул на мои орудия расправы.

Осторожно забрал из моих рук инструменты и по-мальчишески оскалился, показывая мне и целому миру свои обворожительные, на щеках, ямочки. – Ты – это нечто... резкая как газировка. Ух... ты бы себя видела... – добавил он, подмигивая.

Я? Газировка? Тогда он – кто? Виски?! Который бьёт по мозгам в самый неожиданный момент...

– Прикройся, ненормальный! – зажмурила веки, дожидаясь, пока он поправит простынь у себя на бёдрах. – Убила бы...

– И тогда не будет у тебя такого замечательного друга, как я, – наигранно возмутился Лёвушка, а потом снова улыбнулся. – Идём, кофе попьём. Или чего-нибудь ещё сообразим, – поиграл чёрными как смоль бровями.

– Гениальное предложение, Сладких, – фыркнула я. – Поражаюсь тебе...

– Именно поэтому ты до сих пор со мной, – оскалился он и приобнял, уводя в сторону своего кабинета.

– В том то и проблема, что не пойму, почему до сих пор терплю твои выходки, а не исполняю свои угрозы. Глаголь, с кем на этот раз резвился, что без штанов остался? – на выдохе спросила его, пока он отворял ключом дверь своего кабинета.

– Элка, – широко улыбнулся он, подтверждая мои догадки. – Ей было так тоскливо... – наигранно вздохнул этот клоун. – Грех не пошалить... там такие аппетиты.

– Да уж... – проворчала я. – Федорович же без тебя явно не справится... Помощь нужна.

– Ну, да... – кивнул он, запрыгивая в свои, явно запасные, штаны светло-синего цвета, предусмотрительно хранящиеся в шкафу для документов. – Лисовец именно так и сказала... Хочу – не могу, Лёвушка. Может, развлечемся?

– Как бы твоя развлекалка не износилась от такого частого применения, – хмыкнула я, усаживаясь в его широкое и безумно удобное рабочее кресло. – Будешь потом полы подметать да землю вспахивать.

– Мне, конечно, лестно осознавать, что ты сумела оценить по достоинству мою мужскую силу и мощь, но...

– Захлопнись! – перебила его. – Не желаю знать... кх...подробностей. Ты лучше подумай, как теперь проблему с Федоровичем решать будешь? Мужик явно не шутил, когда предупреждал в прошлый раз, – напомнила о крайней его промашке.

Вот что ему баб было мало? Ведь что ни день, то новая пассия рядом крутится. Блондинки, брюнетки, рыжие. В глазах рябило от цветника вокруг этого Казановы. Но тут, кажется, на Эллу будто запал. Не уж то влюбился?

– С Лисовец всё! – неожиданно произнёс он. – Был прощальный, так сказать, аккорд. И то не совсем удачный...

Подошёл к столу и присел на его край, ухмыляясь.

– Снова Клавдия Захаровна застучала, и... меня как отрезало.

Да так я ему и поверила. Уж я-то его знала... Секс с Элкой был для него как возможность пощекотать себе нервы. Байк-то в ремонте. Да и нога ещё не до конца восстановилась с прошлой аварии. Этот мужчина жить не мог без драйва и экстрима. Вряд ли от такого источника адреналина откажется.

– Ха-ха... – скривилась я, ставя под сомнение его слова. – Очень смешно, сладенький, – на автомате снова называя его так, как привыкла за много лет. – Ты это пойдёшь тому рогоносцу мужу её расскажи... от души посмеётся.

– Злая ты, Мединская. Мужика тебе надо, – заржал он.

Вот как только я начинала его ставить на путь истинный, как он тут же заводил песню о моих мужиках. Точнее об их отсутствии.

Закатив глаза, откинулась на спинку кресла, но тут же вернулась в исходное положение.

– Чёрт! Круглова... – рывкнула я от внезапного озарения, вспомнив о той пациентке, что осталась в моём кабинете. – Мать твою... Лев!

С этим идиотом я забывала обо всём. Могла часами болтать с ним ни о чём. И сейчас он будто ввёл меня в гипноз, заставив позабыть, чем занималась до его появления.

– Если меня уволят, я тебя прикончу! – прошипела, тряся указательным пальцем у его красивого лица, по которому хотелось пройти своими коготками.

Паразит! Вот же зараза... Ну как так?

Я же ведь Лика Мединская. Ответственная, всегда собранная, имеющая голову на плечах... Но, когда рядом появлялся Сладких, всё переворачивалось с ног на голову...

– Ты же знаешь, что это не случится, – успокоил меня Лев. – Савельев в тебе души не чает! Ты ж Стахановец... Да и я не позволю, – уверенно произнёс он. – Расслабься.

Соскочив со стола, быстро через голову натянул на себя медицинскую рубашку и метнулся к двери.

– Десять минут, – бросил мне через плечо. – Кофе свари пока. Я быстро...

– Лев! Ты же хирург... – но я не успела даже рта открыть, как осталась одна. – А не гинеколог... Вот же ненормальный!

Тряхнув головой, тяжело вздохнула и откинулась снова в кресло.

Да пусть теперь выкручивается, как хочет. В конце концов, это он клоунаду в моем кабинете устроил, а не я.

Прикрыв веки, стала наслаждаться тишиной и покоем, которые в моей жизни были редкостью. Было так спокойно и удобно, что незаметно уснула...

И проспала бы ещё какое-то время, если бы не прикосновение чего липкого и мягкого к моим губам.

Глава 3.

– Что это? – вскрикнула я, резко распахивая глаза.

Передо мной стоял никто иной, как Лёвушка, слизывающий со своих пальцев подтаявшее мороженое.

– Сладенький принёс тебе сладенькое. А ты что подумала? – усмехнулся он, протягивая мне то, что осталось от его любимого лакомства.

– Лучше тебе не знать, – процедила сквозь зубы, жестом отказываясь от сладости.

Поди, облизывай его как обычно. Он не исправим...

– Фу, быть такой пошлой, Мединская, – засмеялся он, вскинув голову вверх. – И не говори, что я не угадал... спишь и видишь, чтобы твоих губ коснулось вовсе не мороженое, а мой...

– Иди к чёрту, Сладких, – фыркнула я, запуская в него попавшуюся под руку шариковую ручку, заставляя его заткнуться. – Не все такие испорченные, как ты.

– Ну да, ну да, – кивнул он, снова смеясь. – Просто признайся, что безумно любишь меня... – издевался он, зная, как я на это реагирую.

Опять взялся за старое? Ну, хорошо... сейчас самое время...

– Люблю... – ухмыльнулась я, поднимаясь с кресла. – Люблю, Лёвушка, – проговорила, приближаясь к нему, не разрывая наш зрительный контакт. – Очуметь, как...

Скользнула взглядом по его губам, подбородку, покрытой лёгкой чёрной щетиной. Положила свои руки на его широкую грудь, задирая подбородок кверху, чтобы снова встретиться с его глазами.

– Детка... – выдохнул он, с подозрением щуря свои изумрудные глаза. – Что же тебе такое приснилось? – положил на стол мороженое, к которому тут же потерял интерес.

– Ты... – выдохнула у его губ шёпотом. – И... мне понравилось...

Погладила его по плечам, потом пробежалась пальчиками по грудным мышцам.

Ммм, какой мужчина. Не удивительно, что по нему все так сохнут.

– Ого, – только и смог из себя выдавить Лев, смотря на меня изумлённым взглядом. – Расскажешь?

– Не только расскажу, но и покажу, – испустила стон удовольствия, а потом ухватила пальцами за его соски и сжала их с силой.

– Аaaa, – проревел мой друг, морщась и отскакивая в сторону. – Зараза... – потёр пострадавшие места, с яростью смотря на меня. – Умеешь ты отрезвить, однако...

– А то... – ехидно улыбнулась я. Подхватив со стола мороженое, эротично его лизнула. – Умею, практикую... Что там с Кругловой?

– Что с ней делается? Раздел. Осмотрел. Одел, – пыхтя как самовар, произнёс он продолжая потирать свою грудь. – Зачётная! Номер оставила... – развернув руку, показал свою кисть, на которой были ручкой написаны цифры.

– Опаять?! – рывкнула я. – Как же ты меня бесишь... Сладких!

Закатив глаза, вручила ему мороженое, которое оказалось приторно-сладким. Мерзость!

– Не начинай, – поморщился он, но уже не от боли, а от моих слов. – Я – здоровый мужик, и мои потребности вполне нормальны. Ну, может, чуть гипертрофированы... пожалела бы лучше.

– Угу, сейчас слезу пушу, – состроила сочувствующее выражение лица. – Да девицами снабжать начну. Что ещё?

– Нууу, нежнее будь... ласковей, – его губы изогнулись в плутовской улыбке. – Смелее... раскованнее... я так хочу тебя...

С каждым словом подходил ко мне ближе и ближе, пока его губы не оказались рядом с моими.

Началось!

Опять эта его извечная провокационная игра. Он и раньше так делал, но сегодня, кажется, приблизился к самой опасной черте. Его блеск глаз, похоть во взгляде... такое не сыграть.

– Ближе, – шепнула ему. – Ещё ближе... – повторила я, когда между нами практически не осталось расстояния. – И... ты, наконец, проиграешь...

– Неет, Мединская, я не совершу такой глупости... – ухмыляясь, прошептал в ответ, едва не касаясь меня губами. – Ни за что... – оскалился он, делая шаг назад. – Даже не мечтай об этом.

Быстро отдалился, увеличивая между нами дистанцию.

Ух... и что сейчас было? Мама милая! Вот же кретин!

– Чёрт! А так хотелось! – деланно вздохнула я, между делом переводя дух. – Ну, почему я не промолчала? Так бы ходила в сейчас дамках, – произнесла как можно ровнее, в то время как сердце в груди едва не выламывало рёбра.

– Закатай губу, – хмыкнул он в ответ, показывая свою широкую спину, пока направлялся к своему креслу. – Фантазёрка...

Наш уговор был древним как мир, так как был заключён во времена студенчества, но до сих пор продолжал действовать и сулил любому из нас заманчивые возможности.

Малейшая инициатива любого из нас, приведшая к телесному контакту в недружественном ключе, и тот, кто нарушил правила, становился щедрым «Джином» другой стороны.

По-детски! До абсурда смешно, но мы всё ещё соблюдали эти правила. Ещё бы... ведь бы оба знали, что потребуем друг от друга. И это держало нас в тонусе.

Обычно, подобные случаи не выходили за рамки приличия и происходили в шуточном формате, но сегодня впервые всё выглядело иначе. Чёрт!

– Жаль, – наигранно вздохнула я. – Так хотелось огромный дом... за чужой счёт, – засмеялась я, пытаясь замаскировать свою неловкость.

Дьявол! Ведь он, правда, меня едва не поцеловал. И... я тут же испугалась.

К чёрту мечту о доме. Провались он пропадом. Случись этот поцелуй, настал бы конец нашей с ним многолетней дружбе. И как итог я бы не смогла общаться с ним как раньше. Не смогла смотреть в его глаза как прежде...

Нет, к этому я не была готова. Даже не смотря на закидоны, я уважала Льва. Дорожила нашими отношениями. Ценила его светлый ум, доброе сердце и, самое главное, нуждалась в его поддержке.

Боже, да если бы не он, как бы я смогла справиться с тем, что произошло несколько лет назад?

– Всегда знал, что женщины – хитрые и коварные существа, – проворчал он, корча из себя обманутого. – Дом она хочет... Знала бы ты, чего хочу я... Иди, тебя Синицына ждёт. И скажи ей, наконец, что чудес не бывает...

Синицына. Совсем забыла, что видела её в коридоре.

Услышав фамилию глубоко несчастной женщины, тут же вернулась в суровую реальность.

Тяжело вздохнув, ловко поправила выбившуюся прядь из пучка на затылке. И, перед тем как покинуть кабинет Льва Алексеевича, обернулась, чтобы произнести:

– Ты не прав, Сладких, – печально улыбнулась ему, качнув головой. – В чудеса нужно верить всегда...

Вложив в свои слова частичку собственной боли, покинула друга, по пути набирая наизусть заученный номер телефона заведующей детского дома.

Глава 4.

– Мединская? – ответила мне тут же женщина, которую я видела чаще, чем мать родную. – Ты весьма вовремя... нашёлся твой беглец, наконец, приезжай давай.

Как гора с плеч от услышанного.

Ванечка...

Нашёлся негодник. Сколько всего передумали, где только не искали...

– Где? – сглотнув ком в горле, выдавила из себя и кивнула коллегам, проходящим мимо меня.

Меня переполняли эмоции счастья и радости. Хотелось, как следует расспросить её обо всём, но кругом мелькали знакомые лица, которым некоторые стороны моей жизни знать было не совсем обязательно.

Наконец-то... нашёлся... Сейчас до безумия хотелось сорваться в дом-интернат. Снова увидеть своего мальчика. Обнять, прижать к своему сердцу очень крепко. Столько дней в разлуке...

– Так попрошайничал, проказник, на электричке сцапали, да в приёмник передали. Там уже инспекторша с соцзащитой связалась. Везут к нам... ух, я этому паразиту уши-то...

– Не ругайте его, Елизавета Федоровна, – перебив, попросила её. – Вы ж знаете... – снова сглотнув, добавила. – Там мать его... рвётся к ней...

– Да знаю я, – выдохнула с раздражением Зоркая. – Получше тебя знаю. Полянская снова взялась за старое. Для неё ж ведь Иван попрошайничал... да сама ведь знаешь.

Всё верно она говорила, и возразить даже нечего.

Тяжело вздохнув, потёрла висок, чувствуя нарастающую тупую боль под пальцами.

– Я заберу его... – повторила в сотый раз, как мантру. Скорее, не для неё, а для себя. – Не долго осталось.

Не думала, что всё так обернётся. Ещё два года назад этот мальчишка должен был стать моим. Навсегда. Вместо того, которого потеряла когда-то по собственной глупости...

Сыночек... милый мой. Безумно желанный, но пока такой недостижимый.

Добрый, милый ангелочек с голубыми глазками и белым, словно облако, пушком на голове. При взгляде на него сердце сжималось. Ожоги, шрамы и взгляд... серьёзный такой, не по годам глубокий. Сколько всего натерпелся этот малыш за свои восемь лет. Страшно представить. Три года назад, как увидела его, так сразу твёрдо решила, что мой он... самой судьбой мне предназначен. Для него мои тепло и ласка в душе теплились. Для него моя любовь нерастратенная...

Этот ребёнок столько горя и зла повидал. Столько всего натерпелся, что должен был очерстветь, озлобиться... но... я не позволила. Рядом была. Под крыло взяла, поверить в лучшее заставила. И у нас бы все получилась, если бы... не мать его. Распутная...

Эта женщина под заключением находилась и с тем букетом страшных болезней что имела, не должна была выйти оттуда. Все были просто в этом просто уверены. Но... всё произошло иначе.

– Да ты теперь попробуй его забрать... дело это гиблое, – хмыкнула женщина в трубке. – Месяц уж парню покоя не даёт эта тварь. Всё тёрлась здесь, и вот тебе...

– Я поговорю с ним... – произнесла как можно увереннее, остановившись у двери своего кабинета. – Поймёт. Большой уже... И её отыщу. Пусть оставит парня. С ней у Ивана нет будущего.

– Лика, – снова вздохнула женщина. – Послушай меня, как мать тебе говорю, пустое это, – снова завела свою песню, которая длилась больше месяца. – Она парня взбаламутила. Против тебя настроила...

Нет. Слушать не хотела. Мой он. Не отдам. Денег найду, дам ей. Что угодно, лишь бы отказалась... А Ванечка, он умный. Сердцем меня чувствует...

– Елизавета Федоровна, не надо. Не отступлюсь. Столько сил вложено. Мой он! Мой... Скоро приеду, не ругайте его... – закончив с ней разговор, толкнула дверь внутрь и, кинув взгляд вправо, произнесла: – Проходите, Синицына.

Мыслями и сердцем была не в клинике, не рядом с пациентами, но до окончания смены ещё был целый час.

Заняв свое кресло и отыскав карточку сидящей передо мной женщины, вскинула на неё глаза и тяжело вздохнула.

Знала, зачем она здесь. Как никто другой знала. На себе всё это пережила. Но... в отличие от неё сдалась. Оставила...

– Люба, – начала я, откинув в сторону медицинскую этику. – Послушай меня, милая. Остановись... хватит уже.

Женщина, подняв на меня взгляд полный безнадёги и отчаяния, тут же прикрыла веки и всхлипнула. Потом едва различимо качнув головой, уронила лицо в ладони.

– Мы сделали всё... и даже больше, – продолжила я, смотря на её подрагивающие плечи. – Операции, подсадки всё бесполезно... сколько их было? Со счёту сбились. Не мучай себя... не надо.

Мне её было искренне жаль. Мы боролись. Столько лет боролись, но всё оказалось бесполезно. Я видела, как она мучается, но каждая провальная подсадка давалась ей всё тяжелее.

– Вы не понимаете, – всхлипнула она. – Никто меня никогда не поймёт...

Снова спрятав лицо в ладони, продолжила беззвучно плакать, пока я прокручивала в своей памяти всё то, что пережила когда-то сама.

Обследования, операции, консилиумы, подсадки... Всё тщетно.

Одно трусливое решение, и моя жизнь поделилась на до и после.

Если бы я только могла повернуть время вспять. Если бы...

Но, ошибок молодости уже не исправить, и теперь мне, так же, как и ей, не суждено почувствовать своего малыша у себя под сердцем. Никогда...

– Я тебя понимаю, – уронив руки на стол, произнесла я серьёзным тоном. – Очень хорошо тебя понимаю, Люба... Двенадцать лет назад, учась на первом курсе института, я сделала аборт и... теперь не могу иметь детей. Так же, как и ты.

Обещала себе, что никогда и никто не узнает о моём постыдном поступке, но сегодня... нарушила своё слово. Эта женщина должна была услышать и понять, что она не одинока в своём горе. Есть люди, которые так же, как и она, переживают ту же боль.

– Ввы? – подняв на меня заплаканные глаза, переспросила она.

Поджав губы, просто утвердительно кивнула на ее короткий вопрос.

Поступившись своим принципом, очень надеялась, что это хоть как-то поможет сидящей передо мной женщине. Моя поддержка и то, что я собиралась ей внушить, должны принести ей облегчение и вселить необходимую для неё надежду. Ведь то, что она продолжала с собой делать – настоящая утопия, ведущая к необратимым и печальным последствиям.

– Остановись и... просто доверься мне, – поднявшись с кресла, сказала ей. – Я отведу тебя в то место, которое сможет подарить тебе счастье, – посмотрев в её глаза, быстро расстегнула пуговицы на своем белом халате и подошла к шкафу. Повесила его на свободную вешалку, достала из кармашка свой телефон, на дисплее которого моргало одно новое сообщение от мамы.

Потом... Говорить с родителями сейчас хотелось меньше всего. Была к этому просто не готова и ещё потому что знала, чем, в конечном счёте, всё закончится.

Скоро. Очень скоро всё станет на свои места и будет так, как я того хотела, а пока...

– Идём, – вытащив из тумбочки свою небольшую дамскую сумочку, забросила в неё свой телефон, перекинула её через плечо и снова обернулась к Сеницыной. – Не бойся. Смелее...

Глава 5.

Я решила её отвезти в дом-интернет. Показать ей, что её мечта всё же может осуществиться. Пусть немного иначе, но ведь самое главное, что она станет той, кем так отчаянно желала быть. Матерью.

– Я не могу, – вдруг замерла она на пороге, заметив заинтересованные лица детишек, которые глядели на нас через стекло окна. – У меня не получится...

Я тоже когда-то так думала, когда оказалась перед этим зданием. Страх, нежелание принять такую альтернативу, но... едва увидев Ваньку, сидящего на лавочке в стороне от всех ребят, в груди что-то ёкнуло и... я поняла, что это судьба. Господь сжалился надо мной и спустил с небес Ангела в человеческом облики. Малыша, с обликом моего не родившегося ребёнка, которого я представляла себе в собственных мыслях.

Каждый Божий день ходила к молчаливому и замкнутому в себе мальчугану. Проводила с ним всё своё свободное время, выходные. Во мне проснулся материнский инстинкт и бешеное желание стать той, кем, как я думала, уже никогда не смогу стать.

И сейчас, стоя на крыльце перед обветшавшим, обшарпанным зданием и держа под руку Любу, я была уверена, что поступила правильно.

– Просто попробуй, – настаивала я. – Побудь среди них, и ты поймёшь, что твоё счастье очень близко. Нужно сделать лишь шаг...

Не дожидаясь от неё слов, толкнула вперёд тяжёлую металлическую дверь и кивком головы указала женщине, чтобы проходила внутрь.

– У меня здесь дело одно, – захлопнув за нами дверь, сказала ей. – Идём, я провожу тебя в игровую, где ты сможешь понаблюдать, а если захочешь и пообщаться с ребятами.

– Постойте, Лика... Евгений...

– Просто Лика, – улыбнулась ей, пожимая ее руку.

– Лика, – кивнула она, пытаясь мне улыбнуться, но вышло не очень. – Я ведь ничего не принесла... они...

– Не переживай, – снова улыбнулась ей. – То, что им нужно, у тебя в сердце... Любовь и тепло – это именно то, в чем они очень нуждаются. Остальное – пустяки...

Пройдя вперед по узкому коридору, я остановилась перед ещё одной дверью, за которой раздавались детские голоса. Толкнув её от себя, замерла, ища глазами того, ради которого приехала.

– Лика, Лика... – радостно закричала ребятня, увидев меня. – Ты с нами поиграешь?

Засмеявшись, наклонилась к самому непоседливому и активному парню по имени Никита и потрепала его по волосам.

– Обязательно, но немного позже. А вот тётя Люба с радостью составит вам компанию, – подмигнув своей спутнице, пропустила её в светлое просторное помещение, которое служило ребятне игровой.

Я понимала, что поступаю с Синициной не честно, но по-другому было нельзя. Нужно было действовать, не обращая внимания на её нерешительность. Не позволять ей идти на попятную. Погрузить её в приятную суету, а там уже всё произойдёт так, как и должно...

Едва Люба промолвила слова приветствия и вошла в комнату, как вихрь из детской толпы окружил её в водовороте, наполненным смехом и тысячами вопросов.

Женщине ничего другого не оставалось, как погрузиться во всю эту кутерьму и стать участником игр и детского веселья.

Постояв какое-то время в дверях и понаблюдав за ними, пошла на поиски Ивана, который, скорее всего, прятался у себя в комнате.

– Ванечка, – произнесла я, отворив дверь в детскую спальню, которая принадлежала и другим ребятишкам, но сейчас пустовала.

– Иван, я знаю, что ты здесь, – произнесла снова, прикрывая за собой дверь. – Вылезай давай. Поговорим.

Под кроватью послышалось шуршание, но так никто не появился.

Тяжело вздохнув, подошла к кровати и опустилась перед ней на колени.

Откинув покрывало, заглянула под металлическую сетку, прикрытую тонким матрасом, и беззвучно выдохнула. Здесь он. Забился в самый угол и лежал, смотря на меня волчонком.

И ведь не трудный ребёнок. Послушный мальчик с добрым сердцем, а сейчас, будто другим сделался. Снаружи всё тот же, но глаза... глубокие, будто за эти дни повидавшие такое, что дурно делалось. Несколько дней, а так ребёнка поменяли...

Все мои старания похоронили. Весь труд, кропотливую ежедневную работу. Но разве я могла теперь сдаться? Отпустить. Забыть его. Ведь никто не говорил, что будет просто. Мне дали второй шанс, и я ни за что теперь не упущу его.

– Я скучала по тебе, – улыбнувшись, сказала ему.

Мой маленький. Столько дней без присмотра. Волосы спутанные, на щёчках грязь. Ели он что-то все эти дни? На улице выживать приходится, бороться, но он мал ещё. Не под силу такое.

– Смотри, что у меня есть? – вспомнив о шоколадном, его любимом батончике, отыскала его в своей сумке. Купила его в тот день, когда он сбежал. Так и носила его, зная, что когда он отыщется, непременно захочет своё любимое лакомство.

– Держи, протянув ему, улыбнулась. – Давай же...

Ванечка, сглотнув, сделал робкое движение рукой, а потом отвёл взгляд в сторону, так и не прикоснувшись к сладости.

– Не хочешь? Ну, в другой раз... – поджав от досады губы, произнесла как можно ровнее я. – Тогда, может, поговорим?

Услышав последнее, мальчик вначале насупился, а потом и вовсе повернулся к стене лицом.

Не мог он говорить. Травма. Знала об этом прекрасно, но всегда надеялась. Ждала чуда.

Маленький мой. Как же я его хорошо сейчас понимала. Он желал свою маму и быть с ней, а не это всё. Что она ему наговорила, самому Богу известно, но последствия были печальными.

– Ванечка, – снова произнесла я. – Я всё знаю. Понимаю, как ты хочешь к ней, но она болеет и не может защитить тебя и дать то, в чём ты нуждаешься.

Ребёнок не реагировал. Не выходил со мной на контакт, но я знала, что он слышит каждое моё слово. Понимает.

– Мы же всё решили с тобой. Ты ведь не против был, – сглотнув, добавила. – Я очень хочу стать твоей мамой. Дать тебе всё, что у меня есть и... любить тебя как родного.

Мне хотелось ещё многое ему сказать, но в моей сумке заиграла мелодия, сбивая с мысли.

Тяжело вздохнув, запустила руку в сумку, чтобы сбросить вызов. Но кто-то был очень настырным и не хотел от меня отставать.

– Чёрт! – резко произнесла я, и мальчик резко вздрогнул, а потом повернулся ко мне. – Всё хорошо, – улыбнулась ему.

Увидев, кто звонил мне так не вовремя, едва удержалась, чтобы не выругаться снова.

На дисплее высветилось “Сладеньки”.

Что б его... Вот настырный... зараза... что на этот раз?

Снова сбросив вызов, тяжело вздохнула, а потом увидела всплывшее новое сообщение.

Глава 6.

“SOS, Мединская!” было написано в нем.

Да кто бы сомневался! Опять угодил в коричневую субстанцию, именуемую дерьмом...

И первому, кому нужно об этом узнать, была, конечно же, я!

Тяжело вздохнув, отбила короткий ответ о своём скором прибытии домой и спрятала телефон в сумку.

Лев, может, и подождать, а вот Ванька нет. Нужно было как можно быстрее вернуть себе его расположение и внимание. Заинтересовать, заставить убедиться, что то место, куда он сбежал не то, что ему нужно. Но, сейчас отчего-то вдруг стало казаться, что эта задача будет не из легких.

– Ванечка, – обратила снова к мальчику. – Неужели ты совсем не скучал по мне?

Сглотнув образовавшийся ком в горле, посмотрела прямо ему в глаза, боясь разорвать наш зрительный контакт.

Если он сейчас ничего не ответит, у меня просто опустятся руки, но малыш вдруг засопел и едва различимо кивнул. А потом произошло вдруг чудо. Ванька подался ко мне и, когда я помогла ему выбраться из-под кровати, кинулся ко мне на шею.

– Маленький мой. Я так за тебя волновалась, – всхлипнув, прижала его к себе ещё крепче. – Места себе не находила...

Время вдруг замерло. Внешние звуки будто исчезли, и остались лишь мы одни на всём белом свете.

На душе вдруг стало немного легче. Его защитный панцирь дал трещину, вселяя в меня надежду, что всё обязательно будет хорошо...

Что этот мальчишка вернётся ко мне. Забудет свою прошлую и доверит свою настоящую жизнь любящей его женщине.

– Всё хорошо... теперь у нас непременно всё будет хорошо, мой дорогой. Помнишь, что я тебе говорила?

Мальчик снова кивнул, не разжимая своих объятий.

– Совсем скоро я покажу тебе твой новый дом, – сдерживая слёзы облегчения, продолжала я. – Сходим в парк аттракционов... Хочешь?

Ванька снова кивнул, и я уж было подумала, что он что-то скажет или покажет жестами, как нас прервал стальной голос заведующей.

– Выбрался, наконец, проказник! – недовольным тоном произнесла она. – А ну мигом на санобработку, пока ты мне вшей сюда не занёс...

Ванечка, услышав её, инстинктивно сжался и спрятал лицо у меня на шее.

И не мудрено, ведь все дети как огня боялись закрытого бокса, куда таких беглецов как он, помещали на карантин.

Представив, что мой ребёнок останется на три дня в комнате с обшарпанными серыми стенами и холодным полом, тут же стало не по себе.

– Конечно, Елизавета Фёдоровна, – не отпуская от себя ребёнка, сказала я. – Мы сейчас хорошенько помоемся, покажемся медсестре и вернёмся...

От сказанных мной слов мой мальчик немного расслабился. Мой тихий, но уверенный голос всегда его успокаивал. В моём лице он видел защитника и всегда доверял. И сейчас я этим пользовалась, чтобы ещё больше расположить к себе.

– Ну ладно... – хмыкнула женщина. – А потом, Мединская, попрошу заглянуть в мой кабинет. На пару слов.

– Хорошо, Елизавета Фёдоровна. Я обязательно к вам зайду.

Зоркая вышла за дверь, и мы с Иваном снова остались наедине.

– Ну что? – спросила его, освобождаясь из его детских объятий. – Идём приводить тебя в порядок? Мыли-мыли трубочиста... чисто-чисто, чисто-чисто! – смеясь, пробежалась пальцами по его маленьким ребрышкам.

Губы малыша дёрнулись в улыбке, но потом снова вернули свой прежний вид.

Победа! Маленькая, но победа. Я двигаюсь в правильном направлении.

Всё наладится. Мы начнем всё сначала. Шаг за шагом пройдем этот путь и обретем своё счастье. Ведь мы оба его заслуживаем.

После непродолжительных водных процедур моего мальчика отвели в столовую, а я, как и обещала, пошла на разговор к заведующей.

Мне так же, как и ей, было что сказать и спросить. Первое, что хотелось узнать, это адрес биологической матери Ивана. Ещё хотелось получить консультацию с местными юристами, ускорить процесс усыновления и забрать, наконец, к себе мальчика.

И почему всё так тяжело и не просто...

Глубоко вздохнув, постучалась в дверь кабинета Зоркой и вошла внутрь.

– "И царица над ребенком, как орлица над орленком..." – хмыкая, встретила меня женщина. – Отмыла чертёнка?

– Да, – улыбнувшись, кивнула ей. – И спасибо, что позволяете это делать.

Я прекрасно понимала, но не должна была находиться здесь и делать то, что делала. Зоркая была хоть и строгой женщиной, но с широкой душой и добрым сердцем. На свой страх и риск позволяла мне приходить и проводить с Иванов время. Не всякий бы это позволил.

– Да что ж я не понимаю, как это нужно Ваньке? – ответила она мне и, потянувшись за серой папкой, кинула её передо мной. – Ознакомься.

На душе резко стало беспокойно.

– Что это? – подцепив её, развязала шнурок и посмотрела на то, что лежало внутри.

– Заявление? – спросила её, вчитываясь в неразборчивый почерк. – Нет... не может быть.

В глазах потемнело и в голове стало дурно.

– Зачем он ей? – часто моргая, чтобы прогнать наворачившуюся на глаза влагу, спросила женщину. – Зачем?!

– А то ты не понимаешь? – скривилась Зоркая. – Денег хочет. Зависимая она...

Об этом я прекрасно знала, но как? Как ребёнок ей сможет в этом помочь?

– Бред какой-то! – в ярости крикнула я. – Не понимаю...

– Да что тут непонятного. Продаст его и дело с концом, – произнесла она. – Ты как первый день на свете живёшь, Ли́ка.

Боже... Невозможно просто... как такое вообще может быть?

– Елизавета Федоровна, это же... нет... Господи...

– Ты вот что. Лучше не нервничай, а найди хорошего юриста да денег. Дам тебе адрес Полянской, пойдёшь к ней и убедишь, – характерно пошелестев двумя пальцами, показала, как именно придется её убеждать. – Деньги решают всё. Уж я-то знаю...

– Да, – выдавила из себя, переваривая услышанное. – Всё сделаю, как надо.

Представив себе, что моего мальчика могут продать на органы или какому-то извращенцу-педофилу, стало совсем дурно.

– Ты уж постарайся, – вздохнула Зоркая. – Славный мальчишка. Так хочется, чтобы он, наконец, заговорил.

Заговорит! Обязательно, заговорит. Я всё сделаю, чтобы это произошло. На всё пойду ради этого.

Глава 7.

“Скоро всё это обязательно закончиться,” – убеждала саму себя поднимаясь по ступеням на свой этаж к квартире, где жила последние четыре года.

Усталость с ног валила, а мысли о внезапно возникшей проблеме сдавливали грудь так, что мешали дышать в полную силу.

Я справлюсь. Всё сделаю, как надо. Найду Полянскую, поговорю, заберу ребёнка, и всё закончится, а пока мне были нужны очень горячий душ и хороший сон.

Открыв ключом входную дверь и не включая бьющий по глазам свет, вошла внутрь. Отбросила туфли в сторону, наспех повесила пиджак в шкаф на вешалку и торопливо принялась расстегивать молнию на юбке, желая, наконец, освободиться от узкого плена, что стягивал мои бёдра.

– Кайф, – выдохнула вслух, отбрасывая ногой её в сторону и желая туда же поскорее отправить блузку.

Свобода...

– Оу, детка, ты такая секси в этих чулках... – неожиданно раздался мужской голос, заставив меня вздрогнуть и резко наклонившись схватить с пола юбку, чтобы хоть как-то прикрыться.

– Сладких! – крикнула я, стараясь скрыть от его бесстыжих глаз свои обнаженные прелести. – Ненавижу, когда ты так делаешь! Скройся... – ткнула его кулаком в грудь, стараясь вытолкнуть за дверь кухни, из которой он так внезапно появился.

– Развратница, – этот гад едва сдерживал свой смех. – Не успела войти, как тут же оголяешься...

Да чья бы корова мычала... Не он ли не так давно по клинике щеголял, в чем матушка родила?

– Я к себе вообще-то пришла, – напомнила ему, ещё крепче прижимая к себе юбку. – А не к соседу сверху.

– А если бы к нему, то распустила волосы, оголила плечи и, томно дыша... произнесла б: “Я вся твоя, мой сладкий...”

– Иди к чёрту, клоун, – зашипела на него, затыкая ему рот своим словесным потоком. – Не дождёшься...

Вот когда он, наконец, закончит отбрасывать подобные номера? Зараза...

– Жаль... – притворно выдохнул он.

Приобняв меня за талию, распахнул передо мной дверь моей же спальни и пропустил внутрь.

– Но, ты подумай об этом, пока будешь переодеваться и размышлять над тем, чем будешь кормить зверски голодного и уставшего мужчину. В твоём холодильнике мышь повесилась, я проверял...

– У этого голодного мужчины, вообще-то квартира этажом выше. Снова заблудился? – шикнула, пытаясь сбросить с себя его, до дрожи горячие, пальцы.

Но его рука на талии лишь напряглась и притянула меня ещё плотнее к стальному торсу.

– Ты же знаешь, что я жить не могу без твоей стряпни, – выдохнул он мне в затылок, играя великого соблазнителя. – И... я верю, что ты не дашь мне умереть? Правда ведь, солнышко?

Вот же наглая рыжая морда! Когда-нибудь я заберу у него связку запасных ключей от своей квартиры. Прописался уже здесь. Поганец!

– Ну и бессовестный же ты, сладенький, – потряхнув головой, захлопнула перед его носом дверь, чудом не нанося ему травму. – Убила бы!

Так и хотелось ему врезать... Особенно после сегодняшней выходки.

– Просто признайся, что именно это тебе во мне нравится, – послышался за дверью мужской издевательский голос, а затем смешок. – Не задерживайся там, иначе войду и насильно отнесу к плите. Ты меня знаешь.

– Твою бабушку, Лёвушка! – выругалась, закатывая глаза. – У тебя, что, совсем в доме нечего поесть?!

– Там совсем беда, Лик! – шелестел его голос прямо за дверью, пока я искала свой домашний спортивный костюм, в который собиралась переодеться. – Сквозняк и ветер гуляют...

– Служба доставки работает круглосуточно...

– В горло уже не лезет, домашнего хочу, – прилетело в ответ.

– Так что ж твоя армия поклонниц не приготовит что-нибудь? Если уж используешь, то пользуйся на полную катушку... – злилась я, пытаюсь как можно быстрее стянуть с себя чулки.

– Я, что, на дурака похож? – возмутился он. – Еще пожить охота, отравят, не дай Бог. А ты проверенная. Ручки золотые, нежные... Напомни мне купить твоей маман подарочек за такую дочку-волшебницу.

Вот же жук! Как стелет...

– Захлопнись, подлиза! – крикнула ему, поморщившись. – Сейчас выйду и накормлю тебя... отдохнула, называется...

– Даже не пытайся воззвать к моей совести. Глухой номер, Мединская... и вот ещё что! Ты чего трубку не брала? Не уж то с мужиком была? – намеренно подкалывал меня он.

Натянув на себя одежду, резко открыла дверь и оказалась прямо перед ним.

– Именно! – произнесла, скрестив руки на груди. – А ты нам мешал. Не думал об этом? – спросила, приподняв бровь.

И ведь даже почти не лгала. Была-то я в это время с Ванькой.

– Да гонишь! – засмеялся он, хватая меня за плечи и разворачивая в сторону кухни. – На тебя не похоже совсем.

Да уж, конечно. Где я и где мужики? Разные ведь галактики...

Сама знакомиться не умела, а те друзья, что он мне подгонял изредка, мне не нравились. Крокодилы в скафандре привлекательнее. Но были у меня сомнения, что Лёвушка намеренно меня с такими знакомил. Шутник, мать его за ногу!

– Прости, забыла, что мне запрещается встречаться с кем-либо без твоего великого на то позволения, – бурчала, шагая по коридору. – Жди, скоро познакомлю...

– Даже не думай, – рыкнул он. – И... ты лжешь. Ай-яй-яй, детка! – потряс указательным пальцем в воздухе. – Нет у тебя никого. Я бы почувствовал.

К этому времени мы стояли в кухне, и он смотрел на меня, нагло ухмыляясь.

Какой толк его вообще переубеждать в чем-то? Эгоист от комля. Есть только он и еще раз он! А мнение существовало двух типов: первое – только его, а второе – неправильное.

– Что же ты за человек такой, Сладенький? – вздохнула я, не желая развивать тему дальше. – Давай, показывай, что приволок?

Он, конечно, наглый мужик, но с пустыми руками никогда не приходил ко мне. Когда был зверски голоден и желал домашней еды, а пицца становилась поперёк горла, покупал продукты и прямо ко мне волок, а я потом парилась у вечного огня, чтоб его!

– Вооо, – довольно растянулся в улыбке. – Баранина!

– Чтоо? – не веря своим ушам, переспросила его. – Ты опух?

Какая к черту баранина? На пельмешки бы сил найти, гурман хренов.

– Ну, Лиик! Плова хочу! – почти захныкал этот гад. – Ты же сможешь. Знаю ведь!

– Вот шёл бы ты... с этим мясом к своим принцессам наштукатуренным, – процедила сквозь зубы, уничтожая его своим взглядом.

– К ним нельзя. Они ж не справятся, а ты... ну, Мединская, – не унимался он, вытаскивая из пакета остальные купленные ингредиенты для желаемого блюда. И не забыл же ничего, все купил, как положено. Даже специи с зирой... вот чёрт!

– Чтоб ты однажды проснулся в кроватке с мымрой, похожей на дядю Гену – сантехника, – выплюнула ему, хватая пакет с бараниной. – Плова он захотел... настоящий готовится в казане, а это будет порнография.

– Ммм, – промурлыкал он, скалясь. – Люблю порнографию... не женщина, а мечта... Спасибо, Господи!

Глава 8.

Стерев со лба мнимый пот, поправив взлохмаченные волосы, я рухнула на стул как подкошенная.

– Всё, теперь точно сил нет, – изрекла я, наблюдая как ловко Лев наполняет приготовленным мной пловом тарелки.

– Умничка моя! Хозяюшка, – растягивая улыбку до ушей, приговаривал он. – Нет тебе равных. Какой запах...

– Замолкни, – проскрежетала я, поправляя выбившуюся прядь волос за ушко. – Надеюсь, этого тебе на несколько дней хватит, и ты не будешь здесь шататься.

– Ну, это вряд ли, солнце, максимум до завтра, – ухмыльнулся он, ставя передо мной ароматно пахнущий плов. – Я ж зависимый... ломки, все дела...

Опустив руки, обречённо выдохнула, понимая, что он не лжет и в ближайшие дни подобный марафон повторится вновь.

– Ммм, – замычал он, набивая рот едой. – Ещё немного и кончу от гастрономического оргазма... – бурчал он, закатывая глаза от удовольствия.

– Только попробуй! – рывкнула я, бросая на него суровый взгляд. – В другом месте будешь разбрызгивать свой генетический материал, а не у меня тут.

– Ну, ты – язва, – усмехнулся он. – А всё от недостатка удовольствия. Надо тебя снова с кем-нибудь познакомить.

– Да иди ты, знаешь куда? Вот тебе надо, ты и знакомься, а у меня всё в полном порядке.

Вот только решу вопрос с Ванечкой и заживу, как никогда раньше. Счастливо, дыша полной грудью.

– Ну да! Ну да! – приговаривал он, набивая рот. – Давай покормлю тебя, что ли? Может, отпустит, и подберешь.

– Обойдусь, – кинула ему, хватая вилку со стола. – Чёрт, аппетита нет.

– Вот бы у моих вечно голодных тараканов его не было, – притворно вздохнул он. – Сегодня пришёл, а они мне крошки на стол тащат. Обо мне заботятся, проказники, переживают... – ржал он, не останавливаясь ни на секунду и уплетая за обе щёки ужин.

– Уймись, – поморщилась я. – А то мелок “Машеньку” им подгоню, пусть тебя угостят.

– Злая ты... – надулся он.

– Уйдёшь от меня? – с надеждой в голосе спросила его.

– Не дождёшься, – хмыкнул и продолжил работать вилкой.

А счастье было так близко. Эх!

– А моя бабушка такой омлет с колбасками на завтрак мне в детстве готовила, – словно невзначай обмолвился он, но я-то знала, что это ж-ж-ж неспроста.

– Обойдёшься! – кинула ему, отпивая из кружки чай, то единственное, что умел делать Сладких. – Закатай губу.

– Какой же он был только вкусный, – не унимался он. – Может, всё же хоть как-нибудь... когда-нибудь? – поднял на меня свои глазки, ну точно кот в сапогах на минималках.

– Вкусный – это потому что с колбасками и... мой ответ нет! – отрезала я.

Не хватало ещё ему завтраки готовить. С такими темпами и раскладушку притащит и жить у меня останется. А уж его оргий с силиконовыми Франкенштейнами я точно не вынесу.

– Вот! Значит, ты понимаешь, что всегда всё дело в колбасках? – затряс он в воздухе своим указательным пальцем. – Не хлебом единым женщин кормят! Ой, не хлебом...

– Так! Где тут лежал половник, что ты мне в прошлом году подогнал? – прорычала я, делая вид, что собираюсь применить его не по назначению.

– Хватай скалку, – скомандовал он, смеясь. – Она понадежнее будет. Заодно и пельмешек своих фирменных налепишь, с собой заберу.

Он не исправим. Просто непробиваемый. Тряхнув головой, продолжила поглощать свой ужин, надеясь на то, что, как только мы с ним покончим, наконец, останусь одна.

– Плов выше всяких похвал, Лика! – опустошив тарелку, провозгласил он. – Хочешь, покажу тебе мое огромное спасибо? – растягивая слова, подался ко мне, касаясь дыханием моей щеки.

– Уйди, – вскочила я на ноги и стала складывать грязную посуду в раковину. – Показывай его своим лахудрам блондинистым, а я как-нибудь обойдусь. Фу...

Брезгливо поморщившись, открыла кран с горячей водой и принялась отмывать тарелки, чтобы скрыть румянец, появившийся от стыда.

Чуть что сразу эти пошлые шуточки, от которых я всякий раз вспыхивала как спичка.

– Ну, ты и извращенка, Мединская, – заржал он, приняв своё прежнее положение. – Вот! – показал мне экран своего мобильного телефона, на котором была изображена какая-то картинка. – Посудомоечная машина. Заказал сегодня. Скоро доставят.

– Рехнулся? – спросила его, выпучив удивленно глаза. – Зачем?

– Ну как же? – хмыкнул он. – Ходить я к тебе планирую ещё долго, так что это просто продуманный ход.

Жук! Наглый, нахальный жук! Но отчего-то удержать улыбку всё же не сумела.

– Ну, разве что только ход... – произнесла задумчиво. – Тогда... поторопи их там. Мне не терпится.

Ну, вот как на него можно долго сердиться?

В прошлый раз я только лишь обмолвилась, что неплохо бы иметь эту чудо-машину, и вот... он уже всё обкашлял. Повезёт же той, что сумеет обуздать и захомутать этого жеребца. Что не говори, а жлобом его было назвать сложно.

– К выходным доставят, приду, подключу всё сам, – отхлебнув свой кофе, который мог пить тоннами и днём, и ночью, заявил он.

– Чёрт, а мне нужно к родителям смотаться. Обещала уже, – с досадой в голосе проговорила я.

Лучше бы ключи гаечные Сладенькому подавала, чем слушать всё то, что будет говорить моя мама – Вера Аркадьевна.

Артистично закатив глаза к потолку, тяжело вздохнула.

– А как же футбол? – неожиданно произнёс мой друг. – Ты же обещала составить мне компанию. Наши – в полуфинале, и я без твоих сырных палочек ну вот никак!

Дьявол. А вот об этом я грешным делом, правда, забыла. Побег Ваньки совсем меня выбил из колеи.

– Даже не знаю, что теперь делать, – виноватым голосом сказала я. – Родители ждут. Ты же знаешь, что теперь не получится отвертеться.

Мои родные были люди строгих нравов. Перечить им – себе дороже.

Не просто так я, едва мне стукнуло восемнадцать, как тут же выпорхнула из семейного гнезда. Жить под вечным гнётом было просто невыносимо.

Чёрт! Мне уже больше тридцати, а я до сих пор боялась из гнева.

– Мне жаль, Сладенький, но придётся тебе тут без меня.

– Не придётся. Я, кажется, кое-что придумал! – лукаво подмигнул он, заставляя меня напрячься.

Глава 9.

– Нет, – сглотнув, произнесла я. – Даже не думай...

И без слов было понятно, что он хотел предложить. Достаточно было сложить дважды два. Ну, или всего лишь посмотреть на его наглую ухмылку.

– Напрасно отказываешься, – расслабленно откинувшись на спинку стула, сказал он. – Мне не трудно притвориться твоим парнем. Даже будет забавно...

– Тебе лишь бы развлечься, – фыркнула я, принимаясь рьяно намыливать тарелки. – Это же мои родители. Не представляешь, что потом начнётся, покажи ты у них свой нос. Точно женят, – усмехнулась, краем глаза заметив, как скривился от последнего слова Сладких.

– Жениться не обещаю, но предложение всё же в силе... – не отступал он.

Если для Сладенького это было всего на всего развлечением, то для меня всё серьёзно и могло вылиться в проблему или, ещё хуже, обернуться настоящей катастрофой.

Последние четыре года мои родители, а в частности мама, только и делали, что донимали меня, желая устроить мою личную жизнь.

Стоило мне только к ним приехать, как тут же слышала: “Как хорошо, что ты приехала, тетя Шурочка тебе такого парня отыскала!” В эту минуту хотелось притвориться мёртвым опоссумом или в ответ крикнуть: “Чтоб эту тетю Шурочку черти унесли... вместе с её брачным агентством и всеми, кто туда захаживал”.

И надо ж было такому случиться, что мамина подруга имела своё брачное агентство. Для меня этот факт стал настоящим наказанием небес. Не один мой приезд к ним не обходился без попыток познакомить меня с “таким замечательным парнем!”

Сколько раз хотелось ответить той же Шурочке как в анекдоте: “Да, он – парень неплохой, только ссытся и глухой...” Но желания не всегда совпадают с нашими возможностями, поэтому я всегда только отмалчивалась, чувствуя себя виноватой.

Я хорошо понимала своих родителей и их желание сделать меня счастливой. И я также, как и они, хотела бы обзавестись семьей, но... в моём случае это было сделать не так-то просто. Кто ж в здравом уме захочет связать свою жизнь с бесплодной женщиной? Заведомо с изъяном, который никто никогда не исправит. Да таких мужиков днём с огнём не сыщешь... практически вымерший вид. Это поначалу любовь-морковь, и никто не думает о детях, но потом все нормальные мужчины приходят к тому, что начинают думать о потомстве. А вот его я, к великому своему сожалению, дать никогда не смогу...

Но я сумела отыскать свет в конце своего очень темного туннеля. И имя ему было – Ванька.

Вот заберу мальчишку, тогда все мои беды сразу закончатся. Конечно, он не родной, но своего у меня никогда уже не будет. Расскажу родным всё, как есть. Поймут. Переживут. Полюбят моего сыночка. Ну, а без мужчин мы как-нибудь обойдёмся. Пустая это затея. От них только беды одни и боль. Плавали – знаем...

– Нет, Лёвушка, спасибо. Справлюсь я без твоей помощи. Только хуже будет, – ответила на его щедрое предложение. – Ну, а футбол можно посмотреть и без сырных палочек. У себя дома! – последнее намеренно выделила, смывая пену с посуды под струей воды. – Нечего мне тут тараканов плодить. Жила без них как-то четыре года и ещё проживу сколько же.

– Вот упёртая. Ну, как знаешь, – скривился он недовольно. – Я предложил... – пожал он плечами, молча.

– Ах, да... спросить забыла, – вытерев о полотенце мокрые руки, села напротив друга. – Ты что мне там писал? – напомнила ему о смс с призывом о помощи.

Там должно быть не меньше апокалипсиса... столько раз набирал мой номер.

– Да тебя пока дождётся, Мединская, – хмыкнул он, смакуя свой кофе. – Уже сам всё нашёл у тебя в кабинете. Порылся на столе.

Опачки... А вот это интересно.

– И что же ты там искал? – ошалев от его наглости, спросила, начиная демонстративно наматывать на руку полотенце.

Я уже и сама догадалась, что именно он там искал. Кроме карточек с личными данными пациентов, там ничего не находилось. А значит...

– Та пациентка, Круглова, мне показалась такой расстроенной... – озвучил мои догадки он. – Клятва Гиппократ, ничего личного... – быстро добавил, подняв руки вверх и наблюдая за тем, как я резко поднялась со своего стула, тоже стал подниматься.

– Вот гад! – рывкнула я, замахиваясь на него. – Как ты мог?! Рыскать у меня на столе, – проорала я, увеличивая градус истерики, вызванный страхом.

Не дай Бог в столе у меня порылся... там ведь документы для юриста лежали. Ещё не хватало, чтобы он о Ваньке узнал...

– Воу-воу, детка, – пятился он назад. – Зачем так заводить? Мы ведь друзья, а друзьям помогать надо.

– Я помогу! – продолжала визжать как пилорама я, догоняя его уже в дверном проеме. – Сейчас так тебе помогу Сладких! Папа родной не узнает...

– Ай! Ритка... – изворачивался он всякий раз, когда полотенце ласкало его мягкое сердце ниже спины. Потом этот негодник обернулся и посмотрел на меня взглядом нашкодившего пса.

– Солнце, я всё понял, осознал. Больше не буду! Мир?..

– Ха... Так я и поверила, сладенький, – но руки опустила и постаралась выровнять дыхание. – Где ещё рылся?

Не хотелось, чтобы он всё узнал. У меня будто был психологический блок. Не могла я рассказать Льву о своих проблемах с Ванькой. Со временем он, конечно же, обо всем узнает, но не сейчас.

Я сама всё решу с опекуном. Справлюсь. Это мой путь. Мои трудности. То, что он сделал для меня когда-то, уже очень много. Если бы не он... До последнего вздоха буду ему за те дни благодарна.

– Нигде не рылся, – удивился он, с подозрением прищуривая свои глаза. – Тааак. Мединская?! Ты что-то от меня скрываешь?

Вот дрянь. Сама же себя и выдала.

– Я? – с неумелым притворством спросила его. – Да, что я могу скрывать? Не выдумывай. Просто терпеть не могу, когда кто-то роется в моих вещах, – выкручивалась я.

– Врёшь. И очень плохо, – заключил он, не сводя с меня своего подозревающего взгляда. – Значит, не скажешь... – подытожил он за меня.

– Тебе бы пойти отдохнуть к себе, Шерлок Холмс, – попыталась отшутиться я. – Из ушей прёт подозрительность.

– Ну да, ну да! – продолжая прожигать во мне дыру, произнёс он. – Сделаю вид, что поверил, но знай, сейчас было неприятно.

– Пф, иди уже, – издав смешок, стала его выпроваживать из своей квартиры. – И спи спокойно, сладенький. Пусть тебе приснятся твои мымры блондинистые, отбирающие у тебя твои любимые сырны палочки.

Он тут же замер и отреагировал, на секунду прикрыв свои веки, словно от боли. А потом и вовсе издал, что похожее на стон.

– Ммм...

– Да! Лёвушка... без таких напутствий плохо спится. Верно?

Такой обмен любезностями у нас был не редкостью и всякий раз приносил мне удовольствие.

– Грязно играешь, детка, – оскалился он, приблизившись к моему лицу настолько, что я почувствовала на своих губах его дыхание. – Очень грязно... с тебя завтрак. Буду у тебя в пять. Быстро коснулся губами моего виска и, пока я не отреагировала, скрылся за дверью.

Глава 10.

Сразу после ухода своего друга побрела в спальню, где тут же залезла под одеяло и уснула, ставшим для меня нормой, тяжёлым беспокойным сном.

Снилась мне, как и всегда, та же больница с серым потолком и жёлтыми на нём пятнами. Запах медикаментов, солёный вкус собственных слёз на губах и боль... дикая, не отпускающая ни на минуту и по сей день.

Этот сон мучил меня на протяжении нескольких лет, просыпаясь от которого я продолжала реветь уже наяву. Тот день, когда я решилась на самый тяжкий грех, всё повторялся и повторялся в моём воспалённом сознании. Мой мозг, словно насмехаясь, воспроизводил картинки тех первых минут после аборта и последствия моего чудовищного поступка. И мне некуда было убежать или спрятаться от самой себя, как бы я этого не желала. Мое наказание не имело срока давности. Оно не закончится никогда. Я знала, что оно будет длиться вечно... ведь я его заслужила.

Но вот что удивительно, эти кошмары мне снились лишь только, когда в моей реальной жизни появлялись трудности, которые истощали мою и без того измученную психику.

Что стало причиной моей нынешней агонии, я прекрасно понимала.

Ванька...

Или, если точнее, возникшая угроза его потерять. Та женщина, являющаяся его биологической матерью, могла выкинуть всё, что угодно. Мой страх был не беспочвенным. Я очень переживала и нервничала, и едва оставалась наедине с собой, как начинала себя грызть страшными мыслями.

Ночью было не легче. Сон, который должен был стать временным спасением от мучений, в моём случае только всё усугублял. В последнее время я днём и ночью была в напряжении, от которого едва не сходила с ума. Только лишь одному человеку, живущему этажом выше, ненадолго удавалось меня отвлечь, за что я была ему безмерно благодарна.

Стерев с лица влагу, я нащупала на тумбочке свой мобильный и посмотрела на время.

Четыре часа утра. Твою ж за ногу...

Продолжать спать дальше было то ещё удовольствие, поэтому, откинув одеяло, я поднялась с постели стала медленно натягивать на себя одежду.

До рабочего дня была ещё уйма времени, поэтому нужно было придумать, чем себя занять.

Уборка была отмечена тут же. Время ранее, соседи бы явно не оценили дикий вой пылесоса да скрежет передвигаемой мебели. Оставалось только одно – идти на кухню. Что-то готовить. Кого-то кормить...

Только кого? Самой-то еда с трудом в горло лезла. Какое там...

Тут же перед глазами нарисовалось одна нахальная физиономия, которая уплетая за обе щёки плов, мурча от удовольствия.

Сладенький... мой спаситель и наказание в одном лице. Но готовить для него я любила. Точнее, смотреть на то, как он с аппетитом лопал мою стряпню.

В которое время он там мне угрожал заявиться? В пять? Хаа...

Ну, мы посмотрим, кто кого удивит.

За полчаса подготовив вкусностей, которые были способны одним своим запахом мёртвого поднять, я покинула свою квартиру и, держа перед собой поднос с тарелками, стала подниматься по ступеням вверх.

– Открывай Левушка...– улыбаясь, промурлыкала себе под нос и нажала на заветную кнопку возле двери. – Нечего мне было угрожать.

Спустя какое-то время за дверью раздался шорох, заскрежетали замки, и миру явился сонный, но очень симпатичный мужчина.

– Красная шапочка пришла... блинчиков тебе принесла, – пропела я свою песенку. – Сюрприз...

Чёрт, он что голый спит? Или я не вовремя?

Сладких стоял по пояс голый, а его торс был обмотан до неприличия чёрной и вульгарной простыней.

– Я, что, умер и попал в рай? – прохрипел он, смотря на меня и на поднос в полном недоумении.

– Скорее, в ад... но тоже весело, – усмехнулась, наблюдая за его растерянностью. – Не слышу слов благодарности...

– В чём подвох? – поправляя сползающую простынь, спросил он. – Или подожди... сам догадаюсь... я, что, так громко храпел, что ты пришла мне отомстить? Там мышьяк? Битые стекла? Что-то ж должно быть...

– Почти угадал! – засмеялась я, отесняя его в сторону и бесцеремонно проходя внутрь его холостяцкой берлоги. – Всё вместе... и приятного аппетита.

В его квартире, к счастью, никого не оказалось. И даже не пришлось смотреть, как его лохудры бегают по квартире, быстро собирая свои вещи. Мой дружок спал, как младенец... пока не нарисовалась я. Значит, моя взяла! А нечего угрожать мне ранним пробуждением.

Поставив на барную стойку всю посуду, забралась на высокий стул и ослепительно ему улыбнулась.

– А чего один? – удивлённо приподняв бровь, спросила его. – Скучно утро началось. Даже никого не приходится за дверь выставять.

Ну а как ещё образумить непутевого соседа, чтобы не шумел по ночам? Пару недель назад я тут славно оторвалась, притворившись ревнивой невестой, внезапно решившей навестить своего любимого. Лику злить себе дороже...

– Мединская, ты меня пугаешь, – быстро закрыв дверь, произнёс Сладенький, с опаской смотря на меня. – Когда я успел так нагрешить?

– В тот момент, когда поцеловал меня... – ухмыльнулась я. – И пообещал заявиться в пять утра. Припоминаешь? Я просто решила сыграть на опережение. Кстати, твои любимые... – кивнула на блинчики с ветчиной и сыром, с которыми провозилась целых полчаса.

– Сумасшедшая... – тряхнув головой, ответил он мне. – Сейчас я начал бояться тебя ещё больше... – тыча в меня пальцем, произнёс он, продолжая стоять как вкопанный.

– Такая страшная? Бууу, – соорудив рожицу, засмеялась я, наблюдая за его реакцией.

– Ведьма! – кинул взгляд на тарелку с блинами, сощурил глаза.

Но, потом, наконец, улыбнулся и приблизился к стойке, которая за всё своё существование видела лишь бутылки с алкоголем да пиццу. Понюхал мою стряпню и застонал от удовольствия.

– Ммм... Только ты способна с раннего утра ввести меня в гастрономическую кому, детка... – закинув себе в рот блинчик, прикрыл веки от наслаждения.

Комплименты из его уст всегда были искренними, и я их просто обожала.

– Рада слышать о своей уникальности, – засмеялась я, смотря на очаровательную улыбку на его губах. – Давай иди в душ, сладенький, и садись, наворачивай, пока тёплые.

– Угу, – кивнул он мне в ответ и быстрым шагом пошёл к шкафу, где хранились свежие полотенца.

– Слышала, тебе плановые увеличили. Когда в следующий раз перекусить ещё успеешь... – кинула ему в спину, вспомнив о его рабочем графике.

– Было бы сносно, да экстренных становится не меньше, – вздохнул он. – Спасибо, Лик, ты ж моя фея... – снова приблизился ко мне и протянул руку, чтобы потрепать мои волосы в своей привычной манере.

– Ещё раз, и между глаз... – шикнула на него, пресекая его самоуправство. – Ванна там, – указала на дверь пальчиком. – И простынь по дороге не потеряй.

– То, что ты злая, я, по-моему, говорил, – проворчал он, удаляясь в указанном мной направлении.

– Сегодня ещё нет, – усмехнулась, оценивая обстановку его берлоги. – Сейчас был первый, но ты будь оригинальнее.

– Оригинальности хочешь? – усмехнулся он, не оборачиваясь. – Пожалуйста...

Отпустив простынь, показал моему взору крепкие подтянутые ягодички, перешагнул чёрную материю и скрылся за дверью.

– Зараза... – процедила сквозь зубы, краснея от его выходки.

Из ванны послышался мужской смех, я, чтобы отвлечься и забыть то, что произошло секунду назад, соскочила со стула и стала бродить по квартире.

Жилище у друга было ультрасовременное. Обставлено, хоть и минимально, но круто и дорого. Это был лофт, как он и мечтал в студенческие годы. Неприлично большая кровать в самом центре, будто откровенное издевательство дизайнера. Стены с имитацией голого кирпича. Очень много кирпичей, аж в глазах рябило. Огромное окно с шикарными видами на мегаполис, смотря, в которое дух захватывало. А жемчужиной квартиры, на мой взгляд, являлась зона кухни с шикарной барной стойкой и, как это не прискорбно звучало, девственно-чистой бытовой техникой, где разве что только муха сидела. И то не факт.

– Такое добро стоит без дела, – со вздохом тихо проговорила я. – И ведь ни пылинки...

Не уж-то его мымы тут убираются? Хотя какое там... Кто станет себе маникюр портить? Таких дурочек, как я, мало.

– Вот в чём кайф? – остановилась у кровати, застеленной черным бельем. – Жуть...

В больнице всегда всё белое и стерильное, а тут... бац! Чёрное. Бунтуем, Лёвушка?

Присев на край кровати, провела по ней рукой.

– Хотя на ощупь приятно... – отметила нежность ткани, походившей на велюр. – Надо же...

Дико было это осознавать, но меня вдруг потянуло прикоснуться щекой к невероятно мягкой подушке.

Воздушная... а как пахнет... просто не передать словами.

Пять минут, пока шумит вода в ванной...

– Совсем немного... Всего пять минут, – повторяла в мыслях, сама того не понимая, медленно погружаясь в сон.

Глава 11.

Запах. Такой терпкий, чуть горьковатый... безумно знакомый.

Он вытаскивал меня на поверхность своей насыщенностью, притягательностью. Дурманил мой разум, беспричинно разгоняя пульс до предела. Что-то тяжёлое и горячее сдавливало меня в тисках. Было везде... По всему телу, навалившись на меня каменной плитой.

Выскользнула из сладкой полудремы и тихо застонала, пытаюсь высвободиться.

Не вышло...

Открыв глаза и обретя способность мыслить, резко вздрогнула, увидев, что именно доставляло мне такой дискомфорт.

Да чтоб тебя...

– Рехнулся? – взвизгнула, скидывая мужскую руку со своей груди. – Сладких! Твою ж мать... ты что здесь делаешь?

Другая реальность? Сплю? Или... мозг дал сбой?

Что вообще происходит? И как я оказалась в постели своего соседа?

Чёрт. Перед глазами пронеслись блинчики, голый зад Лёвушки и кровать, которую я сама же бесцеремонно придавила своей пятой точкой. А потом... пробел, мать его.

– А на что похоже, детка? – прохрипел он, не открывая глаз. – И... шуметь не обязательно.

– Твоя нога... – опустив глаза ниже, рывкнула ещё громче, сталкивая её со своих бёдер. – Мозгом поехал?

Этот кретин лишь поморщился от моего ультразвука и продолжил спать, как ни в чём не бывало, в то время как я от корней волос до кончиков пальцев превратилась в рака, которого макнули в кипяток и оставили там томиться на медленном огне.

– Вставай! – стала его тормошить, стараясь пробудить, а потом как следует вправить мозг за его выходку.

Ну ладно я решила вздремнуть на чужой кровати, а он-то куда смотрел?

Глаза от мыла щипали, решил прилечь переждать, а там сон срубил?

Допустим...

А руки и ноги зачем с поводка спускать? Знает же, что они у него шаловливые.

Хорошо, что Лёвушку-младшего в штанах удержал. И на том спасибо.

Чёрт! Штаны! А вернее... их отсутствие... опять голый.

– Лев! – накинув на него простынь, стала тяжело дышать. – Паразит! Просыпайся!

– Куколка, давай позже, – сонно проворчал он в ответ, пытаюсь притянуть меня к себе. – Поспим немного...

– Сладких! – крикнула, шлепнув его ладонью по плечу. – Ты проспал! У тебя операция!

Волшебные слова действовали безотказно, и он словно по щелчку пальцев распахнул глаза. Сфокусировал на мне свой заспанный взгляд, а потом присвистнул.

– Ты что тут делаешь? Неужто мы с тобой немного пошалили, Мединская? – прохрипел он, потешаясь над комичностью всей ситуации.

– Болван! – процедила сквозь зубы, быстро поднимаясь с кровати. – Ты на кой чёрт улёгся в постель?

– Тот же вопрос... – усмехаясь, последовал моему примеру и начал вставать, вынуждая меня отвернуться, чтобы снова не глазеть на его лысого друга.

– Кровать вообще-то моя, – напомнил он. – А может, ты – Машенька? Кто спал на моей кровати?..

– А может, ты – идиот? – прошипела я в ответ. – Натяни уже быстрее что-нибудь на себя. Застудишь братика.

– Ты так переживаешь за...

– Заглохни, – перебила его. – Переживаю только за свою психику и глаза, которые за последние сутки видели тебя голым уже дважды. Третьего уж прости, они не вынесут.

– Ого, польщён, что твои мысли о моём младшеньком, – стебался он, намеренно меня выбешивая. – Можешь оборачиваться, твоим глазам ничего не угрожает.

– Кретин, – процедила, оборачиваясь. – Я к себе... не звони мне, достал.

Быстрым шагом поспешила к двери, чтобы избавить себя от неловкости и его нахального взгляда.

– Лик, – догнал он меня почти у выхода. – Ну ладно тебе, я, правда, кретин. Не сердись.

Не дав мне выйти за порог, быстро обнял и прижал к своему торсу, обдавая жаром, вызвавшим сотни мурашек.

– Прости, – ещё сильнее стискивая меня в кольцо. – Не хотел. Мир?

– Я подумаю, – улыбнулась, закатывая глаза. – Ты поступил очень плохо. Лапал меня...

– Я спал. Просто спал, Лик. Я бы никогда... Ты – мой друг, – серьёзно произнёс он. – Я что дурак? Лишиться твоих обалденных блюд...

– Нет, не дурак. Ты – болван! – выдавила из себя смех, чтобы скрыть горечь от его слов. – Пусти. Мне на работу пора.

Я услышала тоже, что и всегда, но почему-то сегодня мне это не понравилось. А ещё его запах, щекочущий нос. Почему от него сейчас так приятно пахнет? До дрожи... голову кружит.

– Я подвезу. Беги, собирайся, – сказал он. – Чёрт, операция уже через час, – кинул взгляд на стену, где висели необычные и очень неприличные часы, стрелки которых каждый час указывали на неприличные позы людей, предающихся плотским утехам.

– Поезжай. Я сама, – тряхнув головой, стала освобождаться от его рук. – Не маленькая.

Едва выбралась из плена, как тут же сорвалась с места и стала быстро спускаться по ступеням вниз.

– Забегу в обед. Кофе попью, – прилетело следом, но я в ответ промолчала, так как точно знала, что мы с ним не увидимся.

У меня были иные планы. Поездка в район, где жила мать Ванечки. Да и не нужно мне было пока видаться с Лёвкой. Не хорошо как-то становилось рядом с ним. Непривычно. Волнительно.

Завтрашняя поездка к родителям сейчас мне показалась очень кстати.

Перерыв в общении с ним пойдёт мне на пользу. Мозг вернётся на своё место, и всё станет как прежде. А пока... прочь нездоровые мысли о друге! Прочь...

Рабочий день проходил как обычно. Без особых волнений и сложностей. Была немного рассеяна. Мысли все были только о поездке к той женщине, что из-за жажды наживы пыталась забрать у меня мальчика.

Как пройдет эта встреча? Согласится ли она на моё предложение? Эти вопросы мучали меня до самого обеда, пока не собралась ехать в детский дом, где должна была получить от Зоркой адрес той женщины.

– Куда намылилась, дорогая? – остановил меня мужской голос, раздавшийся в тени деревьев, где любители затянуться у мусорного бака, коротали свои законные перерывы. – Рабочий день ещё в разгаре. Решила смыться по-тихому?

Тут же его вопрос был приправлен женским смехом. По видимости, кому-то последняя фраза Сладких показалась очень остроумной. Меня же только разозлила.

– Тест на беременность бегу покупать, дорогой, – обернулась и натянула улыбку на лицо. – Я ж тебе говорила утром.

Мой друг вышел из тени, а за ним показалась незнакомая мне девушка. По всей видимости, из новеньких, так как я ранее её не видела. Миловидная, фигуристая, длинноногая, как раз в его вкусе. Ухмылялась. На меня смотрела. Оценивала... Идиотка.

– Проснулась сегодня с одним... кхм... вот думаю его теперь на себе женить. Здорово придумала? Правда? – прищутив глаза от яркого солнечного света, спросила его.

Девушка попалась смекалистая. Тут же сообразила, о ком я. Глаза её от удивления сначала округлились, а потом она снова засмеялась, но уже нервно.

– Не то слово, – усмехнулся Лёвушка и показал свои белоснежные зубы. – Думаешь, выйдет? – вопросительно приподнял бровь.

– Не берусь утверждать, время покажет. Мне уже пора. Обед не резиновый, – заторопилась я, поглядывая на дисплей своего телефона.

Ещё хотелось Ваньку повидать, да и к тому же нужно было в клинику вернуться вовремя.

Не дожидаясь очередного сарказма, я упорхнула в закат, оставляя сладкую парочку наедине. Пусть воркуют. Мне какое дело? Сейчас были дела поважнее.

Едва дойдя до ворот, где заканчивалась территория клиники, я остановилась как вкопанная. До боли знакомый рёв мотора заставил меня напрячься и медленно обернуться назад.

– Вот дьявол, – выплюнула я, холодея. – Совсем мозгом поехал? Кретин.

Рано ему... едва кости срослись, а он за старое. Как бы врезала промеж глаз, чтоб мозг вправить.

Прямо ко мне на приличной скорости нёсся байк, а на нём восседал никто иной как Лев Алексеевич собственной персоной. В шлеме. Кожаной косухе. Только штаны синие от медицинской формы были немного не в тему.

Что в голове у этого мужчины? Страшно представить.

Поравнявшись со мной, он резко затормозил и, сняв шлем, произнёс: – Поехать в ЗАГС не обещаю, но до места подброшу. Прыгай...

Глава 12.

– Очумел? – рявкнула, смотря на его довольное лицо. – Сколько прошло с аварии? Два месяца?

– Ой, Мединская, не будь занудой, – скривился Лев, отмахиваясь. – Ты же не думала, что я надолго откажусь от своего коня? – постучал рукой по металлическому корпусу, будто под ним было и впрямь одушевленное существо. – Застоялся...

– Ты точно ненормальный, – покачала головой, стараясь быть как можно сдержаннее. – Чем твоя машина плоха? Классная ведь тачка, а самое главное, безопаснее этого зверя, – кивнула на продолжающего рычать чёрного дьявола.

После аварии он пересел на свой “танк”. Именно так я величала его джип за внушительные габариты и мрачный цвет. Думала, пока он лечил перелом ноги, осознал, что ему в прошлый раз крупно повезло, и он не стал калекой. Нет же... снова взялся за старое. Снова на байке.

– Классная, не спорю, но... мотоцикл это другое, – ухмыльнулся он. – Даже не пытайся меня убедить. Не выйдет. И... не порти мне кайф!

– Да когда ты меня вообще слушал, – выплюнула с раздражением. – Давай... гони, но без меня. Я ещё пожить хочу.

Повернувшись к нему спиной, отошла на несколько шагов, не желая продолжать наш бессмысленный спор, но меня резко остановили. Не успела пискнуть, как меня оторвали от земли и понесли в обратном направлении.

– Упрямая... – пробормотал Сладких, насильно усаживая меня на мотоцикл. – Держись крепче.

Вот чёрт! Нет...нет... нет...

Следом мне на голову был надет шлем. И, не успела я даже пискнуть, байк сорвался с места, заставив резко обхватить руками друга-кретина.

– Идиот! – крикнула в страхе. – Мы разобьёмся.

– Не истери, – крикнул мне Лев в ответ. – Я не быстро. Пять минут, и мы на месте.

На месте? Каком ещё месте? Куда он меня везёт? Я ведь не сказала...

– Остановись, я не хочу! Что ты удумал? Сладких! – продолжала кричать, даже не обращая внимание на любопытные взгляды.

Хвала Господу, что именно сегодня я надела джинсы, иначе было бы ещё нелепее.

Вряд ли этого ненормального хоть что-то могло остановить.

– Я? – удивился он. – Просто тебе помогаю, а заодно байк после ремонта обкатываю. Какая аптека?

– Аптека? – глотая потоки ветра, переспросила я.

Ой, так он думает, что я и впрямь шла в аптеку. Вот дура! Влипла...как теперь выкручиваться?

– В самую ближайшую, – крикнула ему. – В самую...

Ещё не хватало, чтобы он узнал о моём истинном маршруте. Сейчас желала этого меньше всего.

– Принято, – отметил мне друг, набирая скорость. – Держись крепче. Поедем по дальнему пути.

Да кто бы сомневался, что меня вообще послушают. Этот мужчина за пределами клиники всегда делал только то, что хотел. Неудивительно, что услышав о ближайшей аптеке, он повёз меня к ней через весь город. Зараза...

Свист оглушал. От скорости дух захватывало, а это болван ехал, довольно скалясь.

– Страшно? – крикнул он мне.

Он явно надо мной издевался.

– Мой ответ что-то изменит? – ответила я, прижимаясь к мужской спине ещё крепче.

Но, к моему изумлению, скорость стала медленно снижаться, и мы поехали на вполне комфортной скорости.

– Всё для тебя, детка. Только попроси, – смеялся сладенький. – Ох... зверь просто чума! Нравится?

Если бы я могла что-то сказать. От долгого напряжения челюсть онемела.

Только бы скорее всё закончилось. Только затормозит, убью этого гада!

Через пару минут мы всё же остановились перед большой аптекой. И, к моему изумлению, она оказалась в одном квартале от детского дома. Рукой подать. Класс! Не придётся время на автобус тратить. Хотя где-то плюс поймею.

– Что покупать там собралась? – спросил меня Лёвушка, едва я спрыгнула и сорвала с головы шлем. – Что-то болит?

– Я же сказала уже. Тест на беременность, – злилась на него за его выходку. – Что непонятного?

Мое враньё он пропустил мимо ушей, посмотрев недовольным взглядом в сторону. Да кому я лапшу вешаю? Ведь он прекрасно знал, что я не могла иметь детей.

– Не хочешь, не говори, – процедил он, хмурясь. – Жду здесь.

Вот ещё! Ехать с ним обратно? Ни за что на свете!

– Не жди. Не сяду больше на него, даже не надейся. Уезжай, – вручив ему шлем, поправила волосы и поспешила к двери аптеки.

Пока он смотрел на меня, я не могла пойти в другую сторону. Это бы вызвало подозрения и лишние сложности.

Вот сейчас войду в аптеку, подожду немного, а потом пойду, куда собиралась.

Даже не оборачиваясь, спиной чувствовала его взгляд. Он будто намеревался просверлить во мне сквозную дыру. Неужто подозревает?

Вряд ли. Все эти месяцы я была очень осторожной. Не мог он. Я просто чересчур мнительная, не более.

Войдя внутрь здания и обнаружив второй вход, очень обрадовалась. Ждать не придётся. Времени было в обрез, и промедление не играло мне на руку. Пройдя быстрым шагом через всю аптеку, выскочила на улицу по другую сторону проспекта. Этот район я знала хорошо и без труда нашла дорогу, ведущую к территории детского дома. Расстояние было небольшое, и путь у меня занял не больше десяти минут. Войдя в обшарпанное здание, служившее детям временным домом, сразу же направилась в кабинет Елизаветы Федоровны.

– Ванька твой сегодня опять сбежать пытался, – вместо приветствия произнесла заведующая. – Пална перехватила на улице. Ума не приложу, что делать. Рвётся к ней...негодник.

– Она – мать его родная, – выдохнула печально. – Может, пусть Савелий Петрович с ним как психолог побеседует?

– Хорошо ему по ушам проехала эта тва... кхм... надо работать с ним, – мрачно произнесла женщина. – Не один день уйдёт. Вот... – протянула мне листок с написанным от руки адресом. Не должна разглашать, но тут дело непростое. Ступай к ней. Убеждай. Деньги обещаю, не знаю... парня спасти надо. Не место ему с ней. Не место.

Взяв из её рук листок, я поспешила убрать его в сумку.

– Всё сделаю. Приложу все усилия, – произнесла уверенно. – Мне идти пора, ещё к Ваньке зайти хотела. Вечером не получится.

Кивнув, заведующая опустила в своё кресло и сделала то, что я никак от не не ожидала.

– Помоги тебе Господь, – перекрестив меня рукой в воздухе, уронила лицо в ладони.

Прикрыв веки, я сглотнула ком в горле и подалась из кабинета прочь.

– Одна не ходи, – услышала уже у самого выхода. – Не хороший район. Опасно там.

– Я справлюсь, – обернувшись, ответила ей. – Спасибо вам.

Выскочила за дверь и быстрым шагом пошла в игровую, надеясь там найти своего мальчика.

К моему счастью, Ванечка находился там, но сидел в стороне от всех детей и выглядел поникшим.

– Привет, – присев перед ним на корточки, сказала ему. – Мне передали, что ты снова себя плохо вёл, – добавила на выдохе. – Ванька... ну что же ты? Я так за тебя волнуюсь.

Мальчик поднял на меня свои грустные глазки и тяжело вздохнул.

– Тебе плохо здесь? – спросила его, пытаюсь снова наладить контакт.

Малыш поджал губки и качнул головой, отрицая.

– К маме хочешь? – снова задала вопрос, сглотнув ком, образовавшийся в горле.

Но Ванька, к моему удивлению, снова качнул головой.

Врёт мне? Он никогда это не делал... Это больно.

Боже... дай мне сил.

– Она не сможет о тебе заботиться. Просто поверь мне, маленький, – ласково произнесла я, проводя пальцами по его маленькой ручке. – Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Сделаю всё для этого...

Малыш поднял снова на меня свои глазки и неожиданно кивнул, а потом... провёл своей ручкой по моей. Так робко, осторожно.

Он тянулся ко мне. Показывал свои чувства.

Несмотря на все его попытки сбежать, он всё ещё хотел быть со мной.

У меня был шанс! Был...

– На днях будет матч, – улыбаясь, произнесла я, намеренно переводя тему. – Хочешь пойти?

Я знала, что он любит футбол. Что на его полочке хранятся вырезки из журналов, на которых изображены знаменитые игроки.

Глаза мальчика заблестели от радости, но он продолжал молчать и не двигаться.

– Я поговорю с Елизаветой Федоровной. Она отпустит тебя ненадолго, но... взамен ты должен пообещать, что больше не сбежишь, хорошо? – это был хитрый и расчётливый ход, но иначе я не могла.

Мне нужно было знать, что он будет тут. Что больше не станет совершать глупостей.

Возможно, его интерес к футболу сможет его удержать в детском доме, а тем временем я сумею всё решить.

Мальчик продолжал на меня смотреть, словно что-то обдумывал и спустя пару секунд все же кивнул.

Слава Богу!

– Ты сдержишь своё слово? – снова спросила его, желая убедиться, что правильно его поняла.

Малыш снова кивнул, и я, не сдержавшись, крепко прижала его к себе.

– Я так тебя люблю, – прошептала ему на ушко. – Очень...

От него пахло молочной кашей и свежевыстиранной одеждой. Ванька громко засопел, а потом прикоснулся пальчиками к моим волосам.

Это прорыв. Он никогда этого не делал. Никогда.

Мы не спешили прерывать наши объятия. Ещё какое-то время продолжали гладить друг друга, но как бы мне не хотелось, нужно было возвращаться в клинику.

– Мне пора, – произнесла расстроенным голосом. – Но, завтра, перед отъездом в другой город я приду и принесу тебе билеты на футбол. Будешь их хранить у себя до самого матча, договорились?

Губы мальчика дрогнули в улыбке, и он снова кивнул.

Потрепав его по волосам, я поднялась на ноги и, поцеловав его в щеку, пошла к выходу.

Всё прошло отлично. Он шел со мной на контакт. Не сторонился, чего я очень боялась. В душе теплилась надежда на положительный финал, которая придавала мне сил на дальнейшую борьбу. Она меня окрыляла, давала стимул.

Выйдя из здания детского дома, улыбаясь, я снова пошла тем же маршрутом, что и ранее. Посмотрев на дисплей телефона и осознав, что время моего перерыва неумолимо приближается к концу, снова побежала к той самой аптеке. Именно пройдя через неё, я могла сократить время и оказаться на проспекте, где ходил общественный транспорт.

Пролетев через помещение, едва не сбивая с ног посетителей, я выпорхнула на улицу, где тут же замерла на месте.

На том же месте, что и полчаса назад, по-прежнему стоял мотоцикл, а рядом с ним Сладких, который был угрюмым и мрачен.

Что? Не может быть... какого чёрта?

Снова курит? А вот это очень плохо... Очень-очень, потому что делал он это, только когда был очень зол.

– О, май гад... – выдохнула, чувствуя, что сейчас что-то будет.

И чего не уехал, как я просила? А если бы я вовсе не вышла? Вот упрямец!

Взяв себя в руки, спустилась со ступенек крыльца и как можно увереннее стала приближаться к недовольно смотрящему на меня другу.

Может, что-то случилось, пока меня не было? На меня-то ему не за что было сердиться.

– Ты почему еще здесь? – сделав удивлённый вид, спросила его. – Говорила же, уезжай. Случилось что?

Сердце забило очень быстро в ожидании его ответа, а он как назло тянул.

– Случилось, – наконец, проговорил он, затягиваясь сизым дымом.

Несколько секунд он снова молчал и смотрел мне в глаза, а потом спросил до мурашек серьёзным голосом: – И когда ты собиралась мне обо всём рассказать?

Глава 13.

– Рассказать? – заикаясь, переспросила его. – Что именно?

Пульс стал больно бить по вискам от вмиг возникшей в голове мысли.

Он проследил за мной. Видел, как я захожу в детский дом...

Чёрт! Даже предположить не могла, что он сделает что-то подобное. Вот влипла.

И что теперь мне делать? Лгать? Сказать правду? Я точно рехнусь...

– Не притворяйся дуручкой, тебе не идёт, Лика, – ответил он всё тем же серьёзным голосом. – Матвеев лучше меня, значит? – хмыкнул он, отводя глаза в сторону. – Не ожидал от тебя такого, – снова затянулся сигаретой и, подняв голову кверху, выпустил дым.

Матвеев? Он-то тут причём? Твою ж мать!

Он думает, что я ходила в клинику к его старому знакомому Никите, с которым он находился не в самых тёплых отношениях. А если точнее к тому, кого он люто ненавидел.

Какой бред! С чего он вообще взял такое? Или... нет... не может быть.

Вот я – идиотка! Ведь клиника Матвеева была где-то совсем неподалеку.

Обернувшись назад, заметила край здания, где виднелся кусок вывески с крупными буквами “Гинеко”. Вот это стечение обстоятельств... Ничего не скажешь... И ведь не заметила даже.

– Нет, – беззвучно выдохнула я, всё же ощущая облегчение, что дело оказалось совсем в другом. – Зачем мне к нему ходить? Не неси бред, Сладких!

– Зачем ты мне сейчас врёшь? Тебя не было приличное время, – прорычал он, пронзая своим взглядом. – Просто скажи мне в лицо. Скажи прямо сейчас, что не доверяешь мне и решила лечь под нож этого упыря! Ну же!..

Он был зол и едва себя сдерживал. Когда дело касалось Матвеева, Лев всегда заводился с пол-оборота. Кто бы мог подумать, что некогда лучшие друзья станут злейшими врагами. Оба – практикующие хирурги. Талантливые, амбициозные. Дружили несколько лет. Делили комнату в общежитии, но... однажды между ними пробежала чёрная кошка. В один момент они перестали общаться, а позже до меня дошли слухи, что они подрались. Сколько бы я не спрашивала, что между ними произошло, мой друг отмалчивался. Упрямо всё держал в себе. Но, я подозревала, что дело было в девушке. Других вариантов не находилось.

По окончании ординатуры Сладких так же, как и я, стал работать в лучшей клинике города, а Матвеев подался к конкурентам. Не думала, что ещё когда-то услышу фамилию Никиты из уст Лёвы, но сегодня явно был день неожиданностей.

– Лев, ты спятил? – проговорила, удивлённо на него смотря. – С чего мне оперироваться у него? Я тебе не раз уже говорила, что не стану этого делать. Ни у Матвеева, ни у тебя, нигде вообще, – мы снова затронули с ним болезненную для меня тему, и каждое слово давалось с трудом.

Уже множество раз ему говорила, что всё бесполезно. Что ничего не исправить. Чтобы я не делала, мне ничего не поможет. Операции, лечение... бессмысленно.

Чудеса бывают, но это не мой случай.

– Говорила... – прорычал он, не сбавляя обороты. – Но ты тут... – добавил, не сводя с меня своих сердитых глаз, чем делал ещё больнее.

– Я не ходила к нему, – твёрдо произнесла я, борясь с комом в горле. – Я бы так никогда не поступила. И... давай больше не будем об этом, – на глаза невольно навернулись слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.